Серия «Политология. Религиоведение»
2025. Т. 53. С. 80–91
Онлайн-доступ к журналу:
http://izvestiapolit.isu.ru/ru

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского государственного университета

Научная статья

УДК 342.511:94(517+575.2)
https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.80

«Фигуры воспоминания» Чингисхан и Амир Тимур: сравнительно-политический анализ мемориальных образов в политическом дискурсе Монголии и Узбекистана

Н. В. Дьяченко*

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается трансформация образов великих правителей, Чингисхана и Амира Тимура, в исторической памяти постсоциалистических Монголии и Узбекистана. Проведен анализ использования данных фигур современными государствами в процессе нациестроительства и формирования политической легитимности. Через компаративный подход в логике «наиболее различных систем» выявляются параллели между двумя культурно и исторически разными странами, которые в условиях переопределения идентичности после распада СССР используют сходные стратегии сакрализации исторического прошлого. Чингисхан в Монголии представлен как духовный основатель нации, олицетворение культурной и политической преемственности, тогда как Амир Тимур в Узбекистане – как архитектор имперской мощи и международного влияния. Использован разнообразный эмпирический материал: музеи, памятники, учебники, научные и официальные публикации, чтобы продемонстрировать институционализацию культа личности в образовательной, культурной и государственной политике. Показывается, что через образы правителей формируются массовые представления о национальной идентичности, общественном единстве и историческом величии, что превращает политику памяти в эффективный инструмент внутренней и внешней легитимации власти.

Ключевые слова: политика памяти, Чингисхан, Амир Тимур, Монголия, Узбекистан.

Для цитирования: Дьяченко Н. В. «Фигуры воспоминания» Чингисхан и Амир Тимур: сравнительно-политический анализ мемориальных образов в политическом дискурсе Монголии и Узбекистана // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 53. С. 80–91. https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.80

Original article

The Image of the Ruler as a “Figure of Memory”: Genghis Khan and Amir Timur

N. V. Dyachenko*

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. This article explores the transformation of the images of two great rulers, Genghis Khan and Amir Timur, in the historical memory of post-socialist Mongolia and Uzbekistan. It analyzes how these figures are employed by contemporary states in the processes of nation-building and the

© Дьяченко Н. В., 2025

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

construction of political legitimacy. Using a comparative approach within the logic of «most different cases», the study identifies parallels between two culturally and historically distinct countries that, in the context of redefined identities following the collapse of the USSR, adopt similar strategies of sacralizing the historical past. In Mongolia, Genghis Khan is portrayed as the spiritual founder of the nation and a symbol of cultural and political continuity, while in Uzbekistan, Amir Timur is represented as the architect of imperial power and international influence. The study draws on diverse empirical materials – including museums, monuments, textbooks, academic and official publications – to demonstrate the institutionalization of personality cults in educational, cultural, and state policies. Through the images of these rulers, mass perceptions of national identity, social unity, and historical greatness are shaped, turning memory politics into an effective tool for both internal and external legitimation of power.

Keywords: politics of memory, Genghis Khan, Amir Timur, Mongolia, Uzbekistan.

For citation: Dyachenko N.V. The Image of the Ruler as a "Figure of Memory": Genghis Khan and Amir Timur. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies,* 2025, vol. 53, pp. 80-91. https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.80 (in Russian)

Фигура правителя как элемент политической памяти, рассмотренный Яном Ассманом как «центральная фигура воспоминания», занимает особое место в процессе нациестроительства, особенно в постсоциалистических государствах, переживших радикальные трансформации идентичности [1, с. 220]. В условиях необходимости переопределения символических основ государственной легитимности после распада СССР, Монголия и Узбекистан избрали стратегию возврата к историческим фигурам Чингисхана и Амира Тимура как к опорам новой национальной мифологии. Настоящая статья опирается на методы компаративной политологии для анализа того, как в этих двух странах складывались современные государственные нарративы, обращающиеся к политическим символам прошлого. Данное исследование образов правителей в своей основе опирается на подход, разработанный для сопоставительного анализа посткоммунистической Азии Р. Скалапино и коллективное исследование «режимов памяти» в постсоциалистических странах «Двадцать лет после коммунизма: политика памяти и коммеморации» под редакцией М. Бернарда, Я. Кубика [12].

Монголия и Узбекистан различаются по языку, культуре, религиозным традициям, но демонстрируют схожий результат – институционализацию памяти о военачальнике как источнике национальной гордости и легитимации политического порядка. Анализ основан на эмпирическом материале – от музейных экспозиций и памятников до академических изданий и учебников, в которых прослеживаются механизмы переосмысления образа правителя. В статье используются элементы качественного компаративного анализа, включая биографический и семиотический подходы к изучению политических символов, что позволяет выявить не только институциональные формы политики памяти, но и способы формирования массового восприятия этих фигур. Рассматривая государственные стратегии коммеморации, можно показать, как переосмысление исторических фигур служит одновременно инструментом консолидации общества и способом институционального оформления национальной идентичности. В центре внимания не только сами лидеры прошлого, но и те современные политические смыслы, которые через них артикулируются.

Обращение в качестве эмпирического материала к Монгольской империи первой четверти XIII в. и Империи Тимуридов последней трети XIV – начала XV в. обусловлено процессом этногенеза и консолидации различных монгольских и тюркских племен, которые привели к изменениям в формирующейся культурной памяти данных обществ.

Для таких стран, как Монголия и Узбекистан, одним из важных этапов изменения политической памяти стал социалистический период. Знаковые личности, Чингисхан и Амир Тимур, были подвержены намеренному забвению как форме контроля со стороны власти. В историографии МНР и Узбекской ССР при наличии в исторических исследованиях имперской эпохи она оценивалась как негативное явление, поскольку акцент делался на тирании и разрушительных последствиях завоеваний. При этом не происходило намеренного уничтожения архитектурных памятников и других источников, связанных с деятельностью Чингисхана и Амира Тимура, а проводились реконструкция и реставрационные работы. Более того, по мнению британского монголоведа Кристофера Каплонски, почти в любой книге этой эпохи есть раздел о Чингисхане, а статьи о нем и его времени появлялись в научных изданиях и даже поощрялись, т. е. нельзя говорить о полном его изгнании из общественного дискурса и памяти [3, с. 56]. В то же время существовали твердые ограничения на коммеморативные практики: «Пожалуй, самый известный пример того, как идеология определяла академическую деятельность, – это празднование 800-летия со дня рождения Чингисхана в 1962 году. <...> Конференция и празднования, первоначально организованные Академией наук, вскоре были подвергнуты критике за излишний национализм. Доклады не были опубликованы, некоторые ученые были вынуждены перейти к самокритике, а секретарь ЦК Д. Төмөр-Очир был исключен из партии» [11, p. 152].

В отличие от политической истории Ренессанс в Средней Азии и история Самарканда как часть искусства эпохи Тимура и Тимуридов оставались предметом научных исследований узбекских историков советского периода. В 1969 г. в Самарканде прошел международный симпозиум ЮНЕСКО, инициированный историком Ибрагимом Муминовым, посвященный искусству эпохи Тимуридов.

Важной составляющей настоящего исследования является образовательный аспект культурной памяти, который приобретается благодаря обучению. Исторические учебники, откликаясь на общественные настроения и запросы, фактически выполняют функцию легитимации правящей элиты. Исследование подобного рода литературы дает возможность не только выявить интерпретацию прошлого, предлагаемую обществу, но и проследить характер мышления, политические установки и механизмы воздействия на формирование национального самосознания. Через исторический нарратив учебные материалы стремятся не просто передать знания, но и способствуют достижению идеологических целей. При этом политические задачи редко обозначаются напрямую: они вплетены в ткань текста, и их распознавание требует аналитического подхода и определенной доли интерпретации.

Чингисхан

В современной Монголии культ полководца можно сравнить с религиозным. Его имя встречается в названиях торговых марок и компаний, алкогольной и табачной продукции, национальной валюты, в честь него названы университет, аэропорт, отель, ему посвящены художественные книги, телевикторины и фильмы. Создатель Монгольской империи – бренд страны, носитель национальной идеи возрождения монгольского общества.

Однако в XX в. Чингисхан не всегда воспринимался как единственная «фигура воспоминания». С начала века высший лама традиции гелуг олицетворял собой не только символ политической власти, но и святыни буддизма как неотъемлемую часть исторической памяти. У. Булаг приводит в качестве примера следующий сюжет: «В последние дни декабря 1911 года, когда монголы провозгласили независимость от Цин, именно буддийский реинкарнированный лама, восьмой Джебцундамба Хутугту, стал Богд-ханом – Святым Ханом. В реваншистском Китае для Чингиса тоже не было места, поскольку китайские националисты были настроены на “изгнание татарских варваров, чтобы вернуть Китай китайцам”. В 1911–1912 годах Чингисхан был изгнан как из Монголии Богдо-хана, так и из Китайской республики – двух новых государств, возникших на обломках империи Цин» [10, p. 31, 32].

Коротким периодом прославления Чингисхана в социалистическую эпоху можно считать 1945 г. В МНР при содействии советских кинематографистов была снята двухсерийная историческая драма «Цогт тайджи» («Степные витязи»), в которой Чингисхан изображался как антиманьчжурский герой. В 1945 г. также была опубликована популярная версия «Тайной истории монголов». Однако это ограниченное проявление монгольского национализма было вскоре свернуто. 27 октября 1949 г. Политбюро МНРП выпустило постановление под названием «Положение о преподавании истории и литературы МНР в школах», в котором Чингисхан был объявлен феодальным лидером, неподходящим образцом для подражания МНР [10, p. 48].

С 1989 г. личность Чингисхана стала главным нарративом в нациестроительстве Монголии, на демонстрациях молодые люди шли с портретами монгольского правителя [9, с. 110]. Летом 1990 г. монгольское правительство организовало международную конференцию, посвященную 750-летию Тайной истории монголов [10, p. 57]. Следует отметить, что новый универсалистский проект значительно отличался от предыдущей социалистической идеологии. По мнению К. Каплонски, «после крушения социализма потребовалась новая идентичность. Очевидным источником ее конструирования стало прошлое. Настоящий монгол теперь – не социалист, а человек традиции» [11, p. 166].

В посткоммунистический период Чингисхан приобрел образ родоначальника, отца монголов, что лишило старую аристократическую систему исключительности. Поэтому возвращение к докоммунистическому прошлому следует рассматривать как использование исторического нарратива в построении новой социальной структуры [8, с. 308].

День рождения Чингисхана, также известный как День национальной гордости Монголии, является важным государственным праздником, учрежденным в 2012 г. в ознаменование 850-летия со дня появления на свет великого полководца. Это событие ежегодно отмечается в первый день первого зимнего месяца по традиционному лунному календарю. Праздник носит статус официального выходного дня и символизирует единство нации, ее историческую память и уважение к своим корням. Торжественные мероприятия начинаются с ритуала чествования государственного флага и Девятибунчужного белого штандарта – древнего символа власти, состоящего из девяти жезлов с конскими гривами белых лошадей, собранных со всех уголков страны, и служившего гербом во времена империи Чингисхана. В рамках празднования также проводится вручение высшей государственной награды Монголии – ордена Чингисхана, учрежденного в 2002 г. и присуждаемого за выдающиеся заслуги перед нацией.

«Государственными сокровищами-святынями» считаются высшие символы монгольской государственности, восходящие к временам Чингисхана: лошадь, седло, пояс, колчан, меч, знамя, ханский трон, печать, зонт [2, с. 63]. Знамена Чингисхана, традиционные священные символы монголов, хранятся во Дворце правительства и в Министерстве обороны страны. Меч хана используется как декоративный элемент при государственных церемониях.

Памятник на главной площади Улан-Батора, изображающий сидящего Чингисхана, стал консолидирующим центром монгольского мира. А Чингисхан, сидящий на коне (монументальный комплекс «Золотой кнут» в 54 км к востоку от столицы), – самая большая конная статуя в мире.

Музеи занимают важное место в системе сохранения и формирования исторической памяти в Монголии и представляют собой одни из самых динамично развивающихся культурных учреждений страны. Первоначально экспозиция, посвященная личности Чингисхана, располагалась в Монгольском национальном историческом музее. В 2014 г. в Улан-Баторе был открыт музей восковых фигур Чингисхана. В музее представлены скульптурные изображения самого основателя Великой монгольской империи Чингисхана, его матери Оэлун, его жены Бортэ, четырех сыновей и шести великих монгольских полководцев. Скульптурный портрет Темуджина выполнен на основе образа монгольского актера Агваанцэрэнгийн Энхтайвана, сыгравшего роль Чингисхана в фильме «Под вечным небом» (Мунх тэнгэрийн хүчин дор)[1]. Экспозиции монгольских музеев пополняются в том числе и благодаря сотрудничеству с другими странами. Так, 7 декабря 2019 г. Государственный Эрмитаж передал в дар Монголии копию одного из древнейших памятников монгольской письменности – Чингисова камня XIII в.[2]

В 2022 г. праздновалось 860-летие со дня рождения великого хана. Президент У. Хурэлсух в июле 2022 г. подписал указ № 159 «О почитании [ис-

[1] Музей восковых фигур Чингисхана открыт в Улан-Баторе // Планета Монголия. 09.04.2014. URL: https://mongol.su/музей-восковых-фигур/ (дата обращения: 30.06.2025).

[2] Эрмитаж подарил Монголии копию Чингисова камня // ТАСС. 06.12.2019. URL: https://tass.ru/kultura/7281689?ysclid=m6ahmp6lmv852005986 (дата обращения: 30.06.2025).

торического] портрета священного владыки Чингисхана». В череде праздничных мероприятий, приуроченных к 860-летию Чингисхана, выделяется международная научная конференция «Мир Чингисхана и монголоведение», состоявшаяся в Улан-Баторе с 5 по 10 августа 2022 г. В ней приняло участие 155 исследователей из 15 стран. Завершением значительной работы по коммеморации выдающегося политика стало открытие в 2022 г. Музея Чингисхана в Улан-Баторе в 50 м к северо-западу от ограды Дворца правительства. 3 июля 2024 г. в Национальном музее «Чингис хаан» была открыта выставка «Чингис хаан: как монголы изменили мир», вызвавшая значительный общественный интерес. По состоянию на 22 июля ее посетили свыше пяти тысяч человек, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности населения в процессы символического переосмысления национального прошлого[3]. В экспозиции представлено более 100 артефактов, предоставленных крупнейшими музеями и архивами Европы, что подчеркивает как международное признание исторической роли Монгольской империи, так и актуализацию темы исторической идентичности в контексте современной культурной политики Монголии.

Научные оценки Чингисхана как политического символа академическим сообществом Монголии начала XXI в. можно отнести к сдержанным, отвечающим основной задаче обеспечения легитимации существующего режима. В пятитомном издании «Истории Монголии», подготовленном монгольской Академией наук и Институтом истории с приветственным обращением президента Н. Багабанди, периоду XII–XIV вв. посвящен отдельный том. Изучение главной исторической фигуры страны, в соответствии с академическими традициями, начинается с подробного анализа историографических оценок. Авторы отмечают, что «история Великой Монгольской империи, роль, которую сыграл в истории ее основатель Чингисхан и его преемники, оценивались по-разному, в зависимости от политической ситуации в каждое конкретное историческое время» [13, х. 7]. Оценивая фигуру Чингисхана в исторической памяти, авторы сравнивают его с другими знаковыми личностями: «Монголы гордятся Чингисханом, который основал Великое Монгольское Государство и основал Империю как национальный символ. Это ничем не отличается от того, как македонцы гордятся своим королем Александром, а американцы гордятся Джорджем Вашингтоном и Авраамом Линкольном» [13, х. 21].

Анализируя монгольскую историографию социалистического периода, ученые отмечают трансформацию политических оценок: «…в 1954 году в такой книге, как “История Китайской Народной Республики”, опубликованной на монгольском и русском языках, период Великой Монголии и Империи назывался темным периодом феодализма. Однако Чингисхан все же принял идею объединения разрозненных монгольских провинций в Единую Монголию. В первом томе трехтомной “Истории Республики Монголия”, вышедшей в 1966–1969 годах, Чингисхану отведена заслуга создания Едино-

[3] Мөнхзул Б. Выставку «Чингис хаан: Как монголы изменили мир» в Улаанбаатаре посетили более 5 тысяч человек // МОНЦАМЭ. 22.07.2024. URL: https://montsame.mn/ru/read/348174 (дата обращения: 30.06.2025).

го Монгольского государства или Великой Монголии, что было весьма прогрессивным делом для того времени. …Следует подчеркнуть, что даже в условиях жесткой политико-идеологической системы коммунистического режима в Монголии эти ученые все еще имели право судить о месте Чингисхана в истории и объективно оценивать историю того времени» [13, х. 23].

В настоящее время использование методов политики памяти, направленных на формирование национальной идентичности и укрепление международного имиджа Монголии, прослеживается в практике героизации прошлого и селективной памяти, при которой акцент делается на великих достижениях, способных консолидировать общество и легитимировать современные политические курсы. В конце марта 2025 г. премьер-министр Монголии Л. Оюун-Эрдэнэ представил основное направление развития страны на ближайшие пять лет. В докладе премьер-министр отметил, что «центральной точкой пересечения национальной гордости, ценностей и исторических традиций монгольского народа является популяризация истории Монгольской империи и деяний Великого Чингисхана. Важную роль в этом играет Национальный музей “Чингисхан”, который продвигает Монголию на международной арене, а также национальный бренд Go Mongolia и культурные мероприятия, пропагандирующие кочевой образ жизни. Эти усилия привели к значительному повышению узнаваемости Монголии на 57 % и улучшению индекса мягкой силы на 14 позиций»[4].

Таким образом, политическая идентичность в современной Монголии опирается на традицию средневековой государственности, нашедшую отражение в политике памяти, проводимой государственными институтами, и в оценках академического сообщества. История этой политической модели управления ведется с 1206 г., когда Великий Курултай провозгласил Темучжина Чингисханом.

Амир Тимур

На территории современного Узбекистана сохранились десятки географических объектов, населенных пунктов, историю которых память связывает с именем Амира Тимура. Важнейшими «местами памяти» основателю империи Тимуридов остаются памятники. Памятник Тамерлану установлен в Ташкенте в сквере Амира Тимура (бывший сквер Революции), бронзовая конная скульптура работы И. Джаббарова, на месте демонтированного в 1993 г. памятника Карлу Марксу. Изображение этого памятника Амиру Тимуру располагалось на оборотной стороне банкноты 500 сумов, которая имела хождение с 1999 по 2020 г. Статуя Тамерлану установлена в 1996 г. в г. Шахрисабзе возле руин возведенного по его приказу дворца Ак-сарай. На скульптурном изображении в Самарканде, также 1996 г., Тимур представлен сидящим на скамье и опирающимся обеими руками на меч.

В центре Ташкента, в сквере Амира Тимура, расположен Государственный музей истории Тимуридов, который был открыт 18 октября 1996 г. к 660-летию правителя. Здание музея построено по образцу дворцов эпохи

[4] Электростанции Таван Толгой и ГЭС на реке Эг будут в центре внимания Правительства Монголии // ARD. Asiarussia.ru. 31.03.2025. URL: https://asiarussia.ru/news/45603/ (дата обращения: 30.06.2025).

Амира Тимура. В фондах хранятся рукописные книги, письма, золотые, серебряные и медные монеты, образцы архитектурного декора, манускрипты, серебряные украшения, а также предметы, найденные в мавзолее Амира Тимура, мечети Биби-Ханым[5].

Одна из центральных задач музея – популяризация духовного и материального наследия династии Тимуридов по всему миру. Уникальные экспонаты музей продемонстрировал во Франции с выставкой «Темуридский Ренессанс», в г. Ганновере (Германия) – «Экспо-2000», г. Сиднее (Австралия) в музее Паурхаус – «Яркие цветы: ткани и керамика Центральной Азии», в Музее археологии и этнографии Пенсильвании (США) – «Великий шелковый путь». Тематика мероприятий музея отражает направленность политики памяти на фундаментальную роль Тимуридов в истории государства: «Величественный образ», «Роль народной дипломатии в государстве Амира Темура и Темуридов», «Роль наставлений Амира Темура в воспитании высокодуховной личности», «Сахибкиран Амир Темур – творец Темуридского ренессанса»[6].

Память об основателе империи закреплена в государственных наградах, в 1996 г. в Узбекистане учрежден орден Амира Тимура, а также в названии образовательного учреждения – Академия Службы государственной безопасности Республики Узбекистан имени Амира Тимура.

Среди работ историков Узбекской ССР, сформировавших традиционные для эпохи оценки личности Амира Тимура, следует отметить главу, написанную А. Ю. Якубовским в «Истории народов Узбекистана», изданную в 1950 г., и брошюру И. М. Муминова «Роль и место Амир Тимура в истории Средней Азии», опубликованную в 1968 г. Материалы исследования И. М. Муминова были включены в Советскую историческую энциклопедию.

К переходному периоду формирования национальной историографии суверенного Узбекистана можно отнести академическое издание «История народов Узбекистана», опубликованное в 1992 г. [4]. Отмечая многостороннее влияние деятельности полководца, авторы указывают на то, что «Тимур ставил целью не только походы, он хотел восстановить старые торговые магистрали, которые действовали в домонгольское время» [4, с. 153]. Так же как и монгольские историки, оценивающие фигуру Чингисхана, узбекские авторы учитывают объективные факторы, способствовавшие успешной политике Амира Тимура: «Многие историки считают, что Тимур отличался большим государственным организаторским талантом. Он был сыном своей эпохи, активным проводником классических форм феодальных отношений. Все феодализирующиеся силы он умело направлял на грабительские походы, создавая военно-деспотический режим в самой суровой форме» [4, с. 153]. Оценивая личные качества правителя, авторы отмечают: «Он, бесспорно, был гениальной личностью, но со сложным и противоречивым характером. В его дворце находили приют люди высокого ума и большого таланта» [4, с. 156].

---

[5] Государственный музей истории Темуридов АН РУз // Государственный музей истории Темуридов. URL: https://temurid.uz/ru/история-музея/ (дата обращения: 30.06.2025).

[6] Там же.

В публикации, подготовленной Институтом истории АН Республики Узбекистан в начале XXI в., историк А. Ахмедов рассматривает Амира Тимура как величайшего политика эпохи, деятельность которого оказала существенное влияние на большинство событий Евразии: «Величие Амира Темура заключается в том, что история возложила на него сразу несколько великих миссий. Первая – это объединение Центральной Азии в единое государство. Другая состояла в разгроме Золотой Орды в 1395 г., после чего степное государство уже не смогло восстановить былую свою мощь» [7, с. 93]. По мнению автора, военные успехи Амира Тимура оказали непосредственное влияние на политическую обстановку в Европе: «…благодаря разгрому Тохтамыша в 1401 г. была восстановлена Польско-Литовская уния и одержана победа в Грюнвальдской битве 1410 г. …Третья миссия Амира Темура – его победа над Байазидом I в 1402 г. у Анкары. Разгромив державу Османов, Амир Темур восстановил прежние княжества в Малой Азии и раздробил Османскую империю, отбросив на 50 лет новое объединение этой державы и завоевание ею стран Европы» [7, с. 93]. Таким образом, в течение 1990–2000-х гг. в публично-историческом и академическом дискурсе Узбекистана усиливается тенденция к переосмыслению роли Амира Тимура, внимание все чаще смещается с вопросов внутреннего управления на анализ его влияния на международные политические процессы. Завоевательные кампании Тимура начинают интерпретироваться не только как проявление экспансионистской стратегии, но и как фактор, оказавший существенное воздействие на конфигурацию региональной и глобальной политической среды. Такой сдвиг отражает более широкий процесс политизации исторической памяти и ее использования в целях формирования внешнеполитической идентичности и легитимации современных властных практик.

В узбекских школьных учебниках личность и деятельность Амира Тимура раскрывается не только в исторической реконструкции, но и в исторической памяти. Так, в издании 2017 г. в разделе «“Владыка мира” и “Сохиби адл” – “Справедливый”» отмечено: «По инициативе Международной организации ЮНЕСКО в 1996 году в Ташкенте, Самарканде и зарубежных странах широко праздновался юбилей Амира Темура и этот год в Узбекистане был провозглашен Годом Амира Темура» [6, с. 128]. Далее в тексте приводятся оценки политики памяти в отношении полководца в советский период: «В эпоху Советов однобоко, порой несправедливо относились к личности и деятельности Амира Темура. Издание в 1968 году труда ученого-философа И. М. Муминова “Роль Амира Темура в истории Средней Азии” усилило интерес общественности к этой теме. Произведение подверглось резкой критике. Однако инициатива И. М. Муминова об изучении личности Амира Темура стала проявлением его научного героизма и высокого патриотизма» [6, с. 129]. В разделе параграфа «Возрождение памяти Амира Темура в годы независимости» отражена трансформация исторической политики Узбекистана после 1991 г.: «После достижения Узбекистаном независимости благодаря действиям Первого Президента Ислама Каримова была восстановлена роль Амира Темура в мировой истории, предоставлены возможности для изуче-

ния и популяризации его деятельности» [6, с. 130]. В задании к параграфу указано: «Соберите дополнительные сведения о работе по увековечиванию имени Амира Темура, проведенной после достижения Узбекистаном независимости» [6, с. 130].

В качестве примера учебной литературы для студентов, популяризирующей образ Амира Тимура, можно привести издание 2012 г.: «…Президент И. Каримов подчеркивает: "…Коль в нашей истории есть такая личность, как Амир Темур, если его наследие, советы и наставления созвучны нашей жизни, способствуют разрешению проблем, стоящих перед нами, то у нас нет права не изучать это наследие, не комментировать его, но пропагандировать"» [5, с. 100]. В целом в учебной литературе Узбекистана через историю строительства Амиром Тимуром могущественного государства в Средние века будущему поколению прививается важность любви и служения родине.

Результаты анализа научных и учебных источников Монголии и Узбекистана показывают стремление опираться на историческое наследие как на инструмент легитимации государственного суверенитета и укрепления единства общества вокруг действующей власти.

Заключение

На примере Чингисхана и Амира Тимура, рассматриваемых как «фигуры воспоминания», можно проследить историческую трансформацию их восприятия – от лидеров военных объединений до сакрализированных основателей империй. Эта эволюция отражает постепенное формирование всенародного культа, сохраняющего свое символическое и политическое значение вплоть до наших дней. Возвышение Чингисхана и Тимура как родоначальников нации может рассматриваться как форма позднего origo gentis – попытки обозначить символическую точку начала народа и государства. Проведенный сравнительный анализ показал, что в условиях постсоциалистических трансформаций Монголия и Узбекистан осуществили сходные политико-культурные стратегии, они реконструировали образы Чингисхана и Амира Тимура как «фигуры воспоминания», обеспечивающие историческую легитимность современной государственности. При всей разнице политических традиций и исторических обстоятельств обе страны стремились через возвращение к символам имперского прошлого создать устойчивую платформу национального самосознания и политического суверенитета. Эти фигуры стали частью не только официального нарратива, но и визуальной, институциональной и образовательной среды: они легитимированы через памятники, музеи, праздники, награды и учебники. С точки зрения компаративной политологии оба кейса демонстрируют, как историческая память, будучи политическим ресурсом, используется элитами для конструирования идентичности, мобилизации населения и укрепления власти. При этом применяемый сравнительный подход позволил зафиксировать и различия в акцентах: в Монголии Чингисхан представлен как духовный и символический основатель нации, в то время как в Узбекистане акцент сделан на роли Тимура как архитектора военно-политической мощи и евразийского влияния.

Важно отметить, что оба образа сконструированы в рамках современной политической необходимости и отражают текущие идеологические ориентиры элит. Таким образом, статья демонстрирует, как через фигуры прошлого строится политическое настоящее с опорой на методы компаративной политологии, позволяющие выявить неочевидные механизмы формирования легитимности, идентичности и исторического сознания.

Список литературы

1. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славян. культуры, 2004. 368 с.

2. *Базаров Б. В., Ням-Осор Н.* Из истории символики и атрибутики монгольской государственности // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 62–68.

3. *Дьяченко Н. В.* Национальное и культурное наследие в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 48–59. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/48-59

4. История народов Узбекистана. Т. 1 / под ред. Ахмадали Аскарова. Ташкент : Фан, 1992. 182 с.

5. История Узбекистана : курс лекций / Э. К. Арифджанов, Ш. К. Алимов, А. В. Нарбеков, К. Б. Кадыров. Ташкент : Акад. МВД Респ. Узбекистан, 2012. 273 с.

6. *Мухаммеджанов А.* История Узбекистана : учеб. для 7 класса. Ташкент : Sharq, 2017. 160 с.

7. Очерки по истории государственности Узбекистана / отв. ред.: Д. А. Алимова, Э. В. Ртвеладзе. Ташкент : Шарк, 2001. 208 с.

8. *Шмыт А. С.* Культ Чингисхана в период Монгольской Народной Республики и в современный период как элемент национальной идентичности монголов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 307–310.

9. *Щербанова Е. Е.* Политика памяти в постсоциалистической Монголии как инструмент формирования имиджа государства // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2022. № 38. С. 109–118.

10. *Bulag U.* Collaborative Nationalism: The Politics of Friendship on China's Mongolian Frontier. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2010. 281 p.

11. *Kaplonski C.* The Case of the Disappearing Chinggis Khaan // Ab Imperio. 2005. N 4. P. 147–173.

12. Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. N. Y. : Oxford univ. press, 2014. 362 p.

13. Монгол Улсын Туух. Дэд боть (XII–XIV зууны дунд үе). Улаанбаатар, 2003. 412 х.

References

1. Assmann J. *Kulturnaja pamjat: pismo, pamjat o proshlom i politicheskaja identichnost v vysokih kulturah drevnost*i [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, 368 p. (in Russian)

2. Bazarov B.V., Nyam-Osor N. Iz istorii simvoliki i atributiki mongol'skoj gosudarstvennosti [On the History of Symbolism and Attributes of Mongolian Statehood]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2003, no. 2, p. 62-68. (in Russian)

3. Dyachenko N.V. Nacionalnoe i kulturnoe nasledie v kontekste politiki pamjati v Respublike Altaj i Mongolii [National and Cultural Heritage in the Context of Memory Policy in the Altai Republic and Mongolia]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Bulletin of the Oriental Institute], 2023, no. 3, pp. 48-59. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/48-59 (in Russian)

4. Askarov A. (ed.). *Istorija narodov Uzbekistana. Vol. 1* [History of the Peoples of Uzbekistan]. Tashkent, Academy of MVD Resp. Uzbekistan Publ., 1992, 182 p. (in Russian).

5. Arifdzhanov E. K., Alimov Sh. K., Narbekov A.V., Kadyrov K.B. *Istorija Uzbekistana* [History of Uzbekistan: Course of Lectures]. Tashkent, Academy of MVD Resp. Uzbekistan Publ., 2012, 273 p. (in Russian)

6. Mukhammedzhanov A. *Istorija Uzbekistana* [History of Uzbekistan]. Textbook for 7th Grade. Tashkent, Sharq Publ., 2017, 160 p. (in Russian)

7. Alimova D.A., Rtveladze E.V. (eds.). Ocherki po istorii gosudarstvennosti Uzbekistana [Essays on the History of Statehood in Uzbekistan]. Tashkent, Shark Publ., 2001, 208 p. (in Russian)

8. Shmyt A.S. Kult Chingishana v period Mongolskoj Narodnoj Respubliki i v sovremennyj period kak jelement nacionalnoj identichnosti mongolov [The Cult of Genghis Khan During the Mongolian People's Republic and in the Modern Period as an Element of Mongolian National Identity]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2014, no. 4 (47), pp. 307-310. (in Russian)

9. Shcherbanova E.E. Politika pamjati v postsocialisticheskoj Mongolii kak instrument formirovanija imidzha gosudarstva [Memory Politics in Post-Socialist Mongolia as a Tool for Constructing the State Image]. *Altajskoj shkoly politicheskih issledovanij* [Diary of the Altai School of Political Studies], 2022, no. 38, pp. 109–118. (in Russian)

10. Bulag U. Collaborative Nationalism: The Politics of Friendship on China's Mongolian Frontier. Lanham, Md., Rowman & Littlefield, 2010, 281 p.

11. Kaplonski C. The Case of the Disappearing Chinggis Khaan. *Ab Imperi*, 2005, no. 4, pp. 147-173.

12. Bernhard M., Kubik J. (eds.). Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration. N.Y., Oxford Univ. press, 2014, 362 p.

13. Mongol Ulsyn Tuukh. Vol. 2 (Mid-12th – Mid-14th Centuries). Ulaanbaatar, 2003, 412 x. (in Mongolian)

Сведения об авторе

Дьяченко Наталья Владимировна
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории
Алтайский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
e-mail: natalia-dyachenko79@yandex.ru
ORCID 0009-0002-4764-8472

Information about the author

Dyachenko Natalia Vladimirovna
Candidate of Sciences (History), Associate Professor Department of General History
Altai State Pedagogical University
55, Molodezhnaya St., Barnaul, 656031, Russian Federation
e-mail: natalia-dyachenko79@yandex.ru
ORCID 0009-0002-4764-8472

Статья поступила в редакцию **14.04.2025**; одобрена после рецензирования **09.06.2025**; принята к публикации **25.07.2025**
The article was submitted **April, 14, 2025**; approved after reviewing **June, 09, 2025**; accepted for publication **July, 25, 2025**